

Однако слова Гу Ичэня вовсе не заставили ребёнка в животе вести себя тихо. Малыш, казалось, хотел, чтобы все вокруг знали о его скором появлении на свет, но сам выразить своё желание пока не мог и был вынужден передать всё через своего дорогого папочку-омегу.

Это был уже третий день, как Су Сичэнь ничего не мог есть. На самом деле нельзя сказать, что он совсем не хотел есть: Цинь Сяокэ постоянно уговаривал его, да и ради ребёнка, каким бы слабым ни был аппетит, Су Сичэнь всё равно заставлял себя хоть что-то проглотить. Сначала всё было относительно нормально: за исключением жирной или тяжёлой пищи, почти всё остальное усваивалось.

Однако три дня назад он перестал переносить даже обычный белый рис. Стоило ему поесть, как спустя совсем немного времени его неизменно выворачивало. Дома повара изо всех сил старались приготовить самые разные блюда, но ребёнок отвергал их все до единого. Заодно Су Сичэнь не мог проглотить ни кусочка и был вынужден страдать от мучительных приступов токсикоза.

В последние дни самой привычной картиной в доме Гу был крайне худой молодой человек, склонившийся над унитазом и извергающий всё наружу. Су Сичэнь уже начал подозревать, что ему придётся переехать жить в туалет. Едва эта мысль промелькнула в голове, как к горлу подступила новая волна тошноты...

— В норме такого сильного токсикоза быть не должно. Что с тобой такое? На прошлых осмотрах ведь всё было в порядке! — Цинь Сяокэ в эти дни тоже места себе не находил. В изученной им медицинской теории не было ни единого случая, чтобы утренняя тошнота протекала настолько тяжело!

Су Сичэнь смотрел, как тот нарезает круги перед ним, и от мельтешения у него даже немного заболела голова. Он уже хотел попросить друга остановиться, как Цинь Сяокэ подбежал к нему, упёрся руками в спинку дивана позади и сурово спросил:

— Отвечай честно, ты раньше не злоупотреблял блокаторами?

Су Сичэнь недоумённо покачал головой.

— Тогда, может, ты пил противозачаточные — чтобы похудеть или ещё для чего-то? — не дожидаясь ответа, Цинь Сяокэ сам же себя и опроверг: — Нет-нет-нет, с твоей-то худобой разве нужно худеть! Тогда в чём же дело?

Цинь Сяокэ отнял руки от дивана и снова принялся наматывать круги. Су Сичэнь не знал, плакать ему или смеяться:

— Ладно, думай не спеша, а я пойду посплю.

В последнее время его всё сильнее клонило в сон.

— Стои, я вспомнил! — Цинь Сяокэ быстрыми шагами подбел к Су Сичэню. — Ты принимал что-нибудь возбуждающее? Ну, например, средства, способные искусственно приблизить или отсрочить течку?

— Наверное, можно сказать, что принимал... Вот только без моего ведома...

Цинь Сяокэ явно не поверил своим ушам:

— Серьёзно?

Тогда Су Сичэнь рассказал ему, как именно его продали, причём он сам ни о чём не подозревал. Выслушав всё, Цинь Сяокэ заскрипел зубами от злости — ему не терпелось немедленно отправиться в дом Су и задать хорошую взбучку отцу и сыну.

— Да как они могли! Это же нарушило баланс феромонов в твоём организме, неудивительно, что у тебя такая бурная реакция! К тому же теперь я совершенно не могу помочь тебе с восстановлением, не говоря уже о том, что на поздних сроках симптомы станут ещё тяжелее...

— Ничего-ничего, потом разберёмся, я пойду немного посплю, — Су Сичэнь зевнул и направился напрямик к лестнице, ведущей на второй этаж. Он смертельно устал, глаза уже почти не открывались. Прищурившись, он в полусонном состоянии поплёлся вверх.

В полудрёме Су Сичэнь смутно помнил, как поднялся на второй этаж, и перед самой своей комнатой словно врезался в живую стену.

— Ой, прости! — Су Сичэнь сонно вскинул голову, но лица человека перед собой разглядеть не смог. — Почему он такой высокий? — недовольно пробормотал он себе под нос.

Затем он сделал шаг назад, наивно решив, что обойдёт препятствие с другой стороны, и снова медленно двинулся вперёд — и тут же опять врезался.

— Мм~пусти меня, Сезам — откройся! — Су Сичэнь надул губы, с обиженным и сердитым видом уставившись на эту живую стену, и попытался придать своему сонному голосу влажные нотки угрозы: — Алохомора!

Однако этой «стеной» оказался никто иной, как наш великий президент Гу. Он как раз собирался спуститься поужинать — обычно он ел где-нибудь в городе, а возвращаясь домой в последнее время, работал в кабинете и никогда не ужинал вместе с Су Сичэнем и остальными, всегда дожидаясь, пока они поедят, чтобы спуститься и перекусить в одиночку. Он никак не ожидал, что столкнётся с кем-то, кто намеренно «кидается под колёса».

Гу Ичэнь скрестил руки на груди и с интересом наблюдал за Су Сичэнем. Уступать дорогу он вовсе не собирался — ему хотелось посмотреть, что тот предпримет дальше, это даже забавляло. Стоило дурашливой жилке президента Гу проснуться, как отделаться от неё уже не получалось.

Но Су Сичэнь, похоже, решил упереться. Он отступил на пару шагов назад, а затем резко бросился вперёд с видом героя, идущего на смертный бой. Гу Ичэнь испугался — вернее, испугался за то, как бы тот не навредил себе и ребёнку в животе, — и торопливо раскинул руки, намереваясь поймать его в объятия.

Однако Гу Ичэнь не учёл одного: скорость Су Сичэня в сочетании с собственными каменными мускулами вряд ли могла послужить хорошей амортизацией. В итоге Су Сичэнь уже в третий раз врезался в него и даже отлетел на несколько шагов назад.

Видя, что Су Сичэнь в любую секунду может скатиться с лестницы, Гу Ичэнь быстро протянул руку, обхватил его за талию и притянул обратно.

— Побереги себя, — с угрозой в голосе прошептал ему на ухо Гу Ичэнь. — Какая твердая стена, нос чуть не сплющился.

Заметив, что Су Сичэнь все еще балансирует на грани между сном и бодрствованием, Гу Ичэнь вздохнул, но с улыбкой подхватил его на руки и уверенным, размеренным шагом понес в спальню.

Когда Гу Ичэнь попытался уложить Су Сичэня на кровать, то почувствовал легкое сопротивление: оказалось, Су Сичэнь судорожно вцепился в его одежду.

— Папочка, не уходи, не оставляй меня одного, ладно? Маленький Чэнь будет послушно слушаться папочку, только не бросай Маленького Чэня, хорошо? — Только тут он заметил, что на длинных ресницах Су Сичэня дрожат капельки слез.

— Хорошо, я не уйду, останусь с тобой, ладно? Наш Маленький Чэнь самый послушный, никто не собирается его бросать, — произнес Гу Ичэнь так, как обычно успокаивают детей, даже не заметив, насколько мягким стал его голос и сколь небывалое, почти нежное баюкающее чувство прозвучало в нем.

— М-м... Папочка должен спать с Маленьким Чэнем, смотреть, как Маленький Чэнь... растет... — донесся до него сонный, нежный, похожий на кошачье мурлыканье голосок. Руки, вцепившиеся в его одежду, медленно разжались — судя по всему, Су Сичэнь действительно проникся к нему доверием.

Однако Гу Ичэнь лишь с облегчением выдохнул и больше не порывался сразу же опустить его на постель; пожалуй, ему самому передалось это сладкое чувство человеческого доверия. Сидя на кровати, он прижимал Су Сичэня к груди, устраивая его голову у себя на плече, и прислушивался к тому, как дыхание лежащего в его объятиях человека становится все глубже. Не сдерживаясь больше ни капли, он выпустил на свободу свои феромоны, пытаясь помочь ему погрузиться в более крепкий сон.

Гу Ичэнь внимательно разглядывал человека на своих руках: маленький нос, аккуратные губы

и огромные глаза — именно глаза Су Сичэня нравились ему больше всего, ясные, чистые, лишённые всякой фальши. И тем не менее одной ладони было бы вполне достаточно, чтобы закрыть все его лицо.

Нежные, белоснежные тонкие ручки и ножки не весили ни грана, создавая впечатление, будто перед ним недоразвитый ребенок. И при этом в животе у этого переростка зарождался его собственный малыш. В воображении Гу Ичэня поневоле нарисовалась картина: Су Сичэнь остался один с ребенком на руках, малыш заплакал, а он, не зная, что делать, зарыдал вместе с ним.

К тому моменту, когда Гу Ичэнь осознал, о чем думает, Су Сичэнь уже погрузился в глубокий сон — феромоны Гу Ичэня послужили для него лучшим снотворным. Мужчина резко тряхнул головой, словно пытаясь выбросить только что посетившие его мысли куда подальше. Когда он снова опустил взгляд на Су Сичэня, в его глазах уже не было прежнего умиления — во взгляде смешались самые сложные чувства: от вины и сожаления до холодного пренебрежения. Никто не знал, какая буря бушевала в этот момент в его душе.

И все же ту ночь Су Сичэнь проспал превосходно. Проснувшись на следующий день, он совершенно ничего не помнил о событиях вчерашнего вечера и искренне верил, что действительно налетел на какую-то стену! Ругая себя за соню, он в шутку попросил Цинь Сяокэ проверить, не свернут ли у него нос.

Цинь Сяокэ, сгорающий от праздного любопытства, так и рвался узнать, что же произошло вчера в спальне — ведь он собственными глазами видел, как того несли на руках по типу свадебного захода! Неужели этот некий господин Гу наконец-то одумался? Но видя, что Сичэнь действительно ничего не помнит, он не мог ничего ему рассказать, в конце концов, он только что получил от упомянутого господина Гу кругленькую сумму за молчание.

Впрочем, его радовало одно: Су Сичэнь наконец-то начал нормально есть. Видимо, малыш тоже почувствовал сладость в отношениях между двумя отцами, — с уверенностью подумал Цинь Сяокэ.

— Наверное, просто выспался хорошенько, ведь токсикоз обычно длится всего месяц-другой! Так что тебе не стоит слишком переживать, — Су Сичэнь не придавал этому особого значения, сейчас его занимали лишь округляющийся живот и малыш, который рос день ото дня.

Иногда Цинь Сяокэ, жалея друга, высказывал пару шутливых упреков в адрес вредного ребенка, но тут же нарывался на яростный отпор готового защищать свое чадо Су Сичэня. Стоило Цинь Сяокэ заявить, что малец слишком уж его изводит и совсем не жалеет своего папочку, как Су Сичэнь тут же заявлял в ответ, что это из-за того, что ребенок растет невероятно подвижным, а значит, в будущем непременно преуспеет в спорте. На это Цинь Сяокэ мог лишь выразительно промолчать — ему больше нечего было добавить.

Впрочем, Цинь Сяокэ извлек из этого горького опыта определенный урок. В одну темную, безлунную ночь, предназначенную для убийств — кхм, то есть сразу после того, как Су Сичэнь заснул, — он отправился потолковать за жизнь с великим гендиректором Гу. Вообще-то этот самый господин Цинь всем видом показывал свое презрение, но ради кругленькой суммы...

С тех пор каждый божий вечер Су Сичэнь засыпал под полуночным полусном, ощущая легкий, освежающий аромат мяты, благодаря чему спал еще крепче.

Однако сам Гу Ичэнь, превратившийся в живой диффузор феромонов, больше ни разу не приближался к спящему Су Сичэню, чтобы полюбоваться его лицом. Вместо этого он уходил в

дальний угол комнаты, где наверняка не мог его видеть, и продолжал молча работать.

Иногда, когда Су Сичэнь ворочался во сне или бормотал что-то бессвязное, на лице Гу Ичэня невольно проступала улыбка. Но в следующий же миг он стирал ее, и его лицо вновь становилось непроницаемым.

<http://bllate.org/book/21225/2147685>